

СТАТУС ПЕДАГОГА: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Из выступления на Пятой Международной научно-практической конференции «Тенденции развития образования: придут ли новые учителя в школу».

Олег Смолин,
заместитель председателя
Комитета Государственной Думы по образованию,
председатель общественного движения
«Образование — для всех»

Начну с парадоксального утверждения. С правовой и образовательно-политической точек зрения ответ на вопрос о том, придёт ли новый учитель в школу, достаточно очевиден: придёт, однако среднестатистически будет хуже старого, а дети и школа от этого проигрывают. Таков наиболее вероятный сценарий развития ситуации, по крайней мере на среднесрочную перспективу.

Приведу результаты опроса, проведённого Левада-центром. Ответы на вопрос социологов «Сейчас в школе детей учат лучше, чем в то время, когда Вы сами учились в школе?» распределились следующим образом:

Сейчас учат лучше:
2000 г. — 23%, 2006 г. — 18%.
Сейчас учат хуже:
2000 г. — 33%, 2006 г. — 43%.

Одновременно на вопрос «Удовлетворены ли Вы нынешней системой образования в России?» 48% респондентов ответили «определённо нет» или «скорее нет»¹.

Разумеется, можно списать эти результаты на то, что люди всегда идеализируют собственную юность. Однако, думаю, в данном случае глас народа — это «глас Божий», и общую ситуацию с подготовкой учителей он вполне отражает.

На мой взгляд, на макроуровне качество работы учителя определяется четырьмя основными группами факторов:

- 1) социальный статус педагога;
- 2) уровень политической свободы в обществе и, как следствие, — академической свободы в образовании;
- 3) культурно-идеологическая ситуация в стране;

¹ www.levada.ru/education.html

4) идеология образовательной политики как ключевого (одного из ключевых) направления внутренней политики государства.

О статусе педагога

Следует признать: в отдельных регионах (например, в Москве) спустя почти 20 лет после начала «эпохи реформ» социальное положение учителя более или менее достигло «дореформенного» уровня, за который интеллигенция жёстко критиковала прежнюю власть. В сатирической форме это выражалось афоризмом: в Советском Союзе, чтобы мало получать, надо долго учиться. Однако теперь этот статус воспринимается как высокий по сравнению с абсолютным большинством регионов страны, где крайняя бедность учителя предопределяет негативную селекцию (отрицательный отбор) педагогических кадров. Общеизвестно: в таких условиях в школе остаются либо энтузиасты, либо те, кто не может устроиться на другую работу. При этом число первых стремительно сокращается.

Аргументацию хотел бы начать с двух частных фактов из повседневной жизни. Мой товарищ, лауреат Всероссийского конкурса «Учитель года», продолжающий работать в сельской школе, недавно рассказал, что в декабре 2007 г. его зарплата составила 3 700 рублей (примерно 100 евро). За тот же месяц мой близкий друг (руководитель сельской школы) в качестве директорской и учительской зарплаты получил в общей сложности 6 400 рублей, из них 2000 были изъяты в виде штрафа то ли СЭС, то ли пожарниками, которые имеют собственный финансовый план, легче всего реализуемый при проверке школ. Не буду повторять, что государство в очередной раз наказало директора не за его, а за свои грехи (недофинансирование школы). Отмечу лишь, что оба примера, относящиеся к Омской области, говорят о реальном статусе педагога много больше, чем официальная статистика.

В последние три года много говорят о повышении заработной платы так называемых бюджетников в полтора раза в реальном исчислении. К сожалению, много шума из ничего. Так, по официальным данным, в 2005 г. заработная плата в бюджетной сфере выросла на 31%, а цены на 11%. Однако, по данным независи-

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

мых экспертов, цены на товары первой необходимости увеличились в этом году не менее чем на 30%.

Аналогичным образом в 2006 г. зарплата интеллигенции, финансируемая из федерального бюджета, выросла на 26%, средние цены — на 9%. Однако, по данным Института экономики Российской академии наук, озвученным Р. Гринбергом, цены на товары первой необходимости поднялись не менее чем на 25%.

В 2007 г. зарплата в федеральных учреждениях была увеличена на 15% осенью, т.е. в расчёте на год приблизительно на 4%. Средние цены, по официальным данным, выросли на 12%, а цены на товары первой необходимости, по данным независимых экспертов, — не менее чем на 25%.

Проектировки федерального бюджета на 2008–2010 гг., представленные министром финансов А. Кудриным депутатам Госдумы, в этой части также вызывают уныние. Округлённо этот «рост» выглядит так:

- 2008 г. — 15%,
- 2009 г. — 18%,
- 2010 — 6%,
- итого: 39% за три года.

Ещё печальнее другое. Эти проектировки составлены с учётом денег, выделяемых на переход к отраслевым системам оплаты труда. Если же считать только средства, предназначенные на индексацию зарплаты в федеральных учреждениях, то выглядит это следующим образом:

- на 7% — с 1 сентября 2008 г.;
- на 6,8% — с августа 2009 г.;
- на 6,5% — с 1 января 2010 г.
- итого: около 20%.

При этом А. Кудрин утверждает, что зарплата в других отраслях экономики вырастет за то же время на 94%.

Иначе говоря, трёхлетний бюджет гарантирует интеллигенции и всем работникам

бюджетной сферы относительное обнищание (по сравнению с ростом зарплаты в других секторах экономики) и обнищание абсолютное (по сравнению с ростом цен на товары первой необходимости).

По официальным прогнозам, инфляция в 2008–2010 гг. составит около 20%. Однако нет сомнений в том, что повышение цен на товары и услуги первой необходимости за три года окажется значительно выше, чем планируемый «рост» зарплаты. Обещанное повышение зарплаты с 1 февраля 2008 г. на 14% — на самом деле лишь запоздалая и неполная индексация заработной платы, а вовсе не прибавка к ней².

Если в бюджет не будут внесены радикальные изменения, в 2010 г. российская интеллигенция и другие работники бюджетной сферы будут ещё беднее, чем в 2007-м.

Политическая и академическая свобода

Как известно, уровень этой свободы прямо сказывается на качестве работы учителя: заниматься творчеством по принуждению или со страхом сложно в любые времена, а в XXI веке сложно вдвойне.

Между тем, согласно данным организации «Репортёры без границ», в последние годы место России в рейтингах свободы информации выглядит следующим образом:

- 2002 г. — 122 место из 156 стран;
- 2003 г. — 121 место из 139 стран (рядом с Пакистаном, Ираном и Зимбабве);
- 2004 г. — 140 место из 167 стран (между Мавританией, Украиной и Конго — теперь Украина далеко впереди);
- 2005 г. — 138 место из 167 стран (между Ираком и Филиппинами);
- 2006 г. — 147 место из 168 стран (между Сингапуром и Тунисом);

² Как оказалось, в большинстве регионов России вместо повышения заработной платы была установлена 14-процентная надбавка, причём только к окладу (ставке).

- 2007 г. — 144 место из 169 стран (рядом с Афганистаном, Йеменом, Тунисом и Руандой)³.

Как известно, согласно рейтингу Freedom House, Россия переведена из частично свободных стран в несвободные, а согласно другим исследованиям, по уровню экономической свободы заняла 120 место в мире. Разумеется, можно спорить о том, насколько подобные рейтинги выдерживают научную критику. Ещё проще заявить: пусть клеветают! Однако любой объективный наблюдатель не может не признать: пространство политической свободы в стране и академической свободы в образовании всё более и более сокращается; а значит, с качественной точки зрения приведённые рейтинги отражают реальную ситуацию.

Особенно наглядно это свёртывание политической свободы проявляется в период избирательных кампаний, в которых мне доводилось участвовать, включая избирательные кампании в регионах в марте и выборы в Госдуму в декабре 2007 г. Неоднократно сталкивался со следующей ситуацией. Педагоги обращаются к депутату Госдумы и заместителю Председателя профильного Комитета за помощью, причём, как правило, не по чисто политическому вопросу, но по вопросу о закрытии школы, увольнении неугодного учителя и т.п. Спрашиваешь, что сами они готовы сделать для защиты своих интересов. И слышишь в ответ: мы боимся. В марте 2007 г. такая ситуация наблюдалась, например, в сёлах Омской области. В декабре того же года — уже и в крупных городах.

Не случайно с телеэкрана в период избирательных кампаний не раз вспоминался известный афоризм из фильма «Щит и меч»: — Какой самый страшный зверь сидит в человеке? — По-моему, заяц...

³ www.rsf.org

Прибавлю к этому, что в образовании резко уменьшились все бюрократические процедуры, включая бумагооборот. По оценкам моего друга (уже упоминавшегося директора сельской школы), по сравнению с советскими временами он вырос на два порядка. Разумеется, с количественной точки зрения это большое преувеличение, однако качественно ситуацию оно отражает правильно.

Как известно, в последнее время предпринимаются также попытки ограничить политическую свободу в образовании путём введения некоей новой официальной идеологии. На мой взгляд, эта идеология более чем сомнительна с точки зрения не только её ценностной составляющей, но и уровня научного обоснования. Чего стоит, например, заявление в нашумевшем пособии господина Л.В. Полякова о том, что суверенная демократия — это идеальная форма политического устройства⁴. Ведь каждый человек, который, получая высшее образование, не утратил среднего, наверняка знает, что идеальных форм политического устройства просто не бывает. Напомню: даже советский марксизм (порой весьма далёкий от марксизма настоящего) будущее коммунистическое общество рассматривал не в качестве идеальной формы общественного устройства, но лишь как начало подлинной истории человечества. В этом смысле новая, извините за выражение, наука своё собственное прошлое уже пережегала!

Хороший учитель должен быть гражданином, а ограничения политической и академической свободы этому, безусловно, препятствуют. Вспоминая известный вопрос о различии между гражданином-учителем и учителем-гражданином, приходится констатировать: современная политическая и образовательно-политическая ситуация формирует первого и вытесняет из школы второго.

Культурно-идеологическая ситуация в обществе

Совершенно очевидно: одним из важнейших факторов высокого качества образовательных результатов вообще и успешности педагогической работы в особенности является высокое мес-

⁴ Обществознание. Глобальный мир в XXI веке: Кн. для учителя / Под ред. Л.В. Полякова. М.: Просвещение, 2007. С. 344.

то в культуре и, прежде всего, в образовании так называемых постматериальных (духовных) ценностей. Между тем, согласно сравнительным социологическим опросам, Россия, традиционно входившая в группу лидеров по этому показателю, ныне существенно отстала от развитых социальных государств: число людей, ориентирующихся на подобные ценности, в нашей стране в последние годы оказывается примерно вдвое меньшим.

В своё время Николай Бердяев заметил: настоящая буржуазность в России возможна только после коммунизма. Увы, эта фраза оказалась пророческой. Как известно, развитие общества вообще имеет циклический характер, а в революционных и постреволюционных исторических ситуациях (какую мы сейчас переживаем) подчиняется «закону маятника». В соответствии с этим законом Россия и достигла рекордных для своей истории пределов атомизации общества и примитивного потребительства. Причём получила проблемы потребительского общества при отсутствии высокого уровня потребления, т.е. не имея самого потребительского общества!

В этой связи наибольший практический интерес представляет идеология «партии власти». Если судить по практическим действиям, главной особенностью этой идеологии является синкретическое сочетание радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с авторитаризмом в политике и внешними атрибутами православия в духовной сфере. Такое сочетание несочетаемого не только крайне противоречиво, но и вредно с политико-образовательной точки зрения. Крайне противоречиво, ибо в православной традиции, пронизавшей отечественную культуру, очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные (постматериальные) ценности. Напротив, праволиберальный рыночный фетишизм ориентирован на формирование не только «дикого» капитализма, но и модели личности в духе «одинокого волка».

Переплетение «трёх составных частей» новой социальной идеологии способно принести вред не только образованию, но и самому православию. В частности, деформируется система православных ценностей и её возможная социокультурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в феномен «массовой культуры», позволяющий ей «грешить и каяться» — сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с лёгкостью нарушая все 10 заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в «рыночной экономике» и политической жизни. В итоге рост числа людей, относящих себя к православным, принципиально не меняет идеологической ситуации в обществе. Более того, налицо следующий парадокс: чем больше в стране приверженцев православной религии, тем меньше приверженцев православной культуры в смысле характерной для неё неутилитарной, непрагматической жизненной ориентации. И это, разумеется, в полной мере относится к педагогическим кадрам.

Идеология образовательной политики

Совершенно очевидно: качество работы учителя и вообще «модель педагога», на которую ориентировано образование, во многом зависит от того, какого человека государство хочет получить «на выходе» этой системы.

И если прежде различные нормативно-правовые документы и официальные высказывания федеральных руководителей образования содержали по этому поводу разные установки, то в последнее время ситуация, кажется, прояснилась.

Вот что сообщает, например, «Литературная газета» от 8 августа 2007 г.: «Выступая на конференции, прошедшей в рамках организованного движением «Наши» всероссийского молодёжного форума «Селигер-2007», министр образования Андрей Фурсенко посетовал на оставшуюся с советских времён косную систему в своём ведомстве, упорно пытающую-

юся готовить человека-творца. Ныне же, по мнению министра, главное — взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими». Разумеется, после этого немногие газеты, сохранившие относительную независимость, пытались вопрошать власть о том, где же «новая Россия» намерена брать творцов? Ведь до настоящего времени она «мозги» почти исключительно экспортирует! Однако, как и следовало ожидать, ответов на подобные вопросы не последовало.

Как представляется, в постсоветский период мы наблюдаем стремительное исчезновение общественной группы, которая в предыдущие эпохи, начиная с середины XIX века, именовалась российской интеллигенцией.

Разумеется, речь идёт не о социологическом значении этого термина, в своё время выраженном определением М. Руткевича: интеллигенция — большая социальная группа людей, занятых преимущественно высококвалифицированным умственным трудом, требующим, как правило, высшего или среднего профессионального образования.

Напротив, имеется в виду его культурологическое значение, нередко сопровождаемое в иностранных энциклопедиях пометкой «русское». Оставляя в стороне продолжающиеся по этому поводу дискуссии, приведу характеристику этого культурного феномена, в своё время услышанную мною от незаурядного омского литературоведа М. Яковлевой: интеллигенция начинается там, где образованные люди начинают думать о народе.

Можно спорить о том, когда возникла российская интеллигенция в таком понимании. Однако очевидно: она пережила царей и генеральных секретарей, но стремительно умирает при президентах. Умирает именно потому, что в постсоветское время в стране наступила предсказанная Н. Бердяевым настоящая (т.е. примитивная, без романтических или социалистических примесей) буржуазность.

Между прочим, это зафиксировано и социологами. Так, данные кросс-культурных исследований в 40 странах мира свидетельствуют о том, что в последние десятилетия постматериальные ценности приобретают глобальное измерение. Однако они по-прежнему остаются на низком уровне в странах Южной Азии, Экваториальной Африки, бывших социалистических государствах, включая Россию.

Понятно, что одной из ключевых фигур российского интеллигента, наряду с литератором и деятелем культуры вообще, была фигура учителя. Понятно, что стремительное исчезновение российской интеллигенции как культурного феномена не может не сказаться на ситуации в образовании, причём в сторону явного понижения его духовной составляющей. Понятно, что одним из главных специфических проявлений изменения этой ситуации выступает следующая «переоценка ценностей»: педагогический труд интерпретируется не как служение, но как услуга, наряду с трудом водителя или продавца. Соответственно позиционированию педагога изменяется и отношение к нему студента или старшеклассника: ведь тот, кто оказывает услуги, должен именоваться *обслуживающим персоналом* или просто «обслугой».

Некоторые итоги

Как известно, в современном обществе главными целями системы образования служит формирование:

- квалифицированного работника (по преимуществу эта задача решается образованием профессиональным);
- гражданина страны (что не вполне тождественно гражданину государства);
- многосторонне развитой целостной личности.

В этом смысле установка на формирование «квалифицированного потребителя» представляет собой «инновацию» в философии образования и образовательной политике, мягко говоря, вызывающую удивление. Очевидно: квалифицированный потребитель — далеко не то же самое, что квалифицированный работник. При такой установке кадровое сопровождение амбициозной программы-2020 представляется крайне сомнительным. Что же касается гражданина и многосторонней личности, то «новая» модель выпускника, что называется, и рядом не лежала.

Политико-идеологический конформизм, который в последние годы демонстрирует общество, включая руководящую часть образовательного сообщества, экономически ориентированных интеллектуалов и деятелей поп-культуры, гражданина с самостоятельной позицией, разумеется, не формирует. И наконец, прагматическое отношение к образованию и культуре понижает её общий уровень и до предела «истончает» слой людей, ориентированных на культурные ценности высокого порядка. Что касается собственно уровня образования, то, согласно Докладу о развитии человека 2006 г., Россия по этому показателю занимала 15-е место в мире, а согласно последнему Докладу 2007/08 г. — 26-е.

Оставим в стороне любимый вопрос российской интеллигенции «кто виноват?» ввиду очевидности ответа. Среди виноватых, безусловно, окажется сама российская интеллигенция, во многом подготовившая не только первую, но и так называемую вторую русскую революцию, которая в итоге приводит к ликвидации интеллигенции как «класса», точнее как особой социокультурной группы. Попытаемся лучше предложить ответ на другой вопрос: что делать?

Похоже, пришла пора вспомнить полузабытое изречение К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан». Имея в виду последнюю часть этого утверждения, решение интересующей нас проблемы при наличии политической воли представляется вполне возможным.

⁵ Выступая в Госдуме 8 мая 2008 г., В.В. Путин заявил о подготовке правительством ФЦП «Научно-педагогические кадры» на 2009–2013 гг. Однако содержание программы остаётся неизвестным образовательному сообществу.

Таким решением может и должна стать специальная государственная программа «Педагогические кадры»⁵. Кстати, разработка и утверждение такой программы предусматривались ещё решениями первого «образовательного» Госсовета (29 августа 2001 г.). Назову лишь некоторые необходимые элементы такой программы:

1. Специальная система отбора: отмена единого государственного экзамена при приёме в педагогические вузы либо, как минимум, его дополнение опытом практической работы, доказывающим наличие коммуникативных способностей и стремления работать с детьми. Очевидно: не каждый, кто лучше знает предмет, будет лучшим учителем, а тем более — воспитателем. Талант общения и любви к детям здесь, по меньшей мере, не менее важен.

Другая версия — специальные практики на первых курсах, призванные помочь студенту и преподавателям определить профессиональную пригодность к педагогической работе. Если выявляется такая непригодность или отсутствие мотивации, студент переводится в другой вуз или на другой факультет, диплом которого не даёт права работать с детьми.

2. Резкое повышение статуса студента педвуза, в частности его стипендия должна быть поднята как минимум до прожиточного минимума, т.е. более чем в четыре раза. Для сравнения: 20 лет назад она составляла 80% от такого минимума, а сейчас немногим более 20%. Понятно, что тогда студент учился и подрабатывал, а теперь работает и «подучивается».

3. Специальные программы дополнительного образования в педагогических вузах, финансируемые из бюджета, которые помогли бы самому будущему учителю стать многосторонне развитой личностью. Напомню: по опросам социологов именно этого ученики требуют от современного учителя, как, впрочем, требовали и в 1925 г.⁶

4. Специальные меры поддержки для молодых педагогов, в особенности служебное жильё, которое через некоторое время (например, 10 лет работы) можно было бы приватизировать.

5. Ключевая проблема — повышение социального статуса педагога по всем основным параметрам, начиная с заработной платы. Дело в данном случае не в финансовых возможностях (нефтегазовыми деньгами федеральный бюджет переполнен), но в идеологии. В настоящее время эта идеология чисто рыночная, по принципу «затыкания дыр»: зарплату увеличивают лишь в тех ситуациях, когда возникает кадровый дефицит (например, учителям иностранного языка). В остальных же случаях действует известный с грибоедовских времён принцип: «числом поболее — ценою подешевле». При этом качество педагога власть не волнует: есть — и ладно. Для решения кадровой проблемы рыночная идеология должна быть заменена модернизационной: повышенный статус и повышенная ответственность, независимо от спроса и предложения.

6. Принципиальное изменение информационной среды. Для этого необходимы:

- восстановление специального образовательного канала;
- стимулирование бюджетными деньгами и налоговыми льготами образовательных программ на всех других теле- и радиоканалах;
- возврат к опыту конца 1980-х гг., когда учителя-новаторы собирали у телеэкранов больше зрителей, чем деятели шоу-бизнеса.

Программа вполне реалистична. И если бы современная отечественная политическая элита больше заботилась о государственных интересах, прогноз, сформулированный в начале выступления, был бы опровергнут — к большому моему удовольствию. **НО**

⁶ «Анализируя полученные нами результаты, можно сделать следующие выводы. Самое большое требование современные ученики предъявляют к таким профессиональным качествам учителя, как универсальная образованность, эрудиция, информированность, прогрессивность, способность вести интересные уроки, давать интересные задания». Цит. по: Печерикина Л.Н. Учитель глазами современного школьника // Педагогическая наука и практика: проблемы и перспективы: Сб. науч. статей. Вып. 1. М.: ИОО МОН РФ, 2004. См.: www.teacher-edu.ru/wmc/arts/1107935862